Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-95-102

КАТУКОВА Светлана Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева» SPIN-код: 8676-2387, Author ID: 768972,
e-mail: s.katukova@mail.ru

ПЕРЕГУДА Егор Сергеевич,
студент юридического факультета Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: egorpereguda@mail.ru

ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК КАК ОСНОВАНИЕ ОТКАЗА В ПРИЗНАНИИ И ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *Предметом исследования является оговорка о публичном порядке как применяемое в исключительных случаях основание отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. Цель статьи состоит в систематизации основных доктринальных концепций публичного порядка и определении пределов их использования на стадии постарбитражного контроля. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и функциональный методы. Разграничены внутренний публичный порядок, международный публичный порядок государства, региональный и транснациональный публичный порядок, а также позитивная и негативная, материальная и процессуальная стороны рассматриваемой категории. Уточнено соотношение оговорки с неарбитрабельностью, исключительной компетенцией государственных судов и специальными процессуальными основаниями отказа. Обосновано, что статьи 1192 и 1193 ГК РФ и публичный порядок при признании и исполнении иностранных арбитражных решений имеют общий аксиологический источник, но являются самостоятельными правовыми механизмами, различающимися по стадии применения, непосредственному объекту проверки и последствиям. Предложен алгоритм судебной проверки, препятствующий подмене специальных оснований отказа и пересмотру спора по существу. Сделан вывод о невозможности исчерпывающего законодательного определения публичного порядка.*

Ключевые слова: *публичный порядок, оговорка о публичном порядке, международный публичный порядок, иностранное арбитражное решение, признание и исполнение, нормы непосредственного применения, неарбитрабельность, Нью-Йоркская конвенция.*

KATUKOVA Svetlana Yurievna,
PhD in Law, Associate Professor of Department of Civil Procedural Law North-West branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education «The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

PEREGUDA Egor Sergeevich,
Law Student, North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

PUBLIC POLICY AS A GROUND FOR REFUSAL TO RECOGNIZE AND ENFORCE FOREIGN ARBITRAL AWARDS: DOCTRINAL CONCEPTS AND LIMITS OF APPLICATION

Annotation. *The article examines the public policy exception as an exceptional ground for refusing recognition and enforcement of foreign arbitral awards. Its purpose is to systematize the principal doctrinal concepts of public policy and to define the limits of their use at the post-award control stage. The study relies on formal legal, systemic, comparative and functional methods. It*

distinguishes domestic public policy, the international public policy of a State, regional public policy and transnational public policy, as well as the positive and negative, substantive and procedural dimensions of the concept. The authors argue that Articles 1192 and 1193 of the Russian Civil Code and enforcement public policy share an axiological basis but operate as autonomous legal mechanisms, differing in their stage of application, immediate object of review and legal consequences. An arbitral tribunal's failure to apply a mandatory or overriding mandatory rule does not in itself justify refusal: a court must identify a violation of a fundamental principle and the concrete unacceptable effects of recognition or enforcement. A five-element judicial review framework is proposed to prevent substitution for specific refusal grounds and a disguised merits review. The article concludes that an exhaustive statutory definition of public policy is neither feasible nor desirable and that courts should apply the exception through reasoned, effects-oriented analysis.

Key words: *public policy, public policy exception, international public policy, foreign arbitral award, recognition and enforcement, overriding mandatory rules, non-arbitrability, New York Convention.*

Постановка проблемы.

Международный коммерческий арбитраж строится на автономии воли сторон и окончательности арбитражного решения, однако принудительное действие такого решения зависит от правопорядка государства, в котором испрашиваются признание и исполнение. При этом не каждое решение нуждается в судебной экзекватуре: должник может исполнить его добровольно, а обращение к государственному суду требуется прежде всего для признания юридического эффекта и применения мер принудительного исполнения. Нью-Йоркская конвенция 1958 г. формирует происполнительный режим, но сохраняет за государством исполнения право не придавать силу решению, если результат признания или исполнения несовместим с публичным порядком этого государства [12].

Открытый характер понятия «публичный порядок» необходим для защиты фундаментальных ценностей, но создает риск непредсказуемого расширения судебного контроля. В отечественной и зарубежной доктрине необоснованно одним термином нередко обозначаются различные явления: охраняемые правопорядком ценности, коллизионная оговорка, нормы непосредственного применения, критерий допустимости признания иностранного решения и даже совокупность наднациональных принципов. В монографическом исследовании Ю.Г. Богатиной доказывается, что оговорка выполняет защитную функцию в отношении иностранных норм и актов, способных вызвать дестабилизирующий эффект в национальном правопорядке, но системное разграничения указанных категорий не приведено [1]. Цель настоящего исследования – дать обзор доктринальных концепций публичного порядка, разграничить соответствующую оговорку со статьями 1192 и 1193 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ [13]) и иными смежными основаниями контроля. Научная новизна состоит в соединении многоуровневой классификации публичного порядка с алгоритмом судебной проверки, позволяющим сохранить и фундаментальные интересы государства, и запрет пересмотра арбитражного решения по существу.

1. Публичный порядок и оговорка о публичном порядке

Следует различать публичный порядок как нормативно-ценностный комплекс и оговорку о публичном порядке как юридический механизм. Термины ordre public и public policy в международно-частноправовом контексте выполняют сопоставимую защитную функцию, хотя их национальные доктринальные оттенки различаются. В первом значении речь идет о фундаментальных принципах, на которых основаны правовая система, общественное устройство и представления о справедливости. Во втором - об исключительном правовом предписании, позволяющем не допустить в национальный правопорядок результат применения иностранного права либо действие иностранного судебного или арбитражного акта. Такое разграничение исключает логическую ошибку, при которой основание отказа отождествляется со всем массивом охраняемых им ценностей.

По пространственному уровню выделяются внутренний публичный порядок, международный публичный порядок государства, региональный и транснациональный публичный порядок. Внутренний публичный порядок охватывает императивные начала, действующие во внутригосударственных отношениях. Международный публичный порядок государства представляет собой более узкий круг принципов, нарушение которых неприемлемо именно в трансграничной ситуации. Слово «международный» в данном выражении характеризует сферу применения, но не источник: содержание такого порядка по-прежнему определяется государством признания или исполнения. Региональный публичный порядок формируется в интеграционных объединениях; примером служит включение фундаментальных положений права Европейского союза в контроль арбитражных решений. Концепция автономного транснаци-

онального публичного порядка предполагает существование неких наднациональных принципов, обязательных независимо от национального права, однако ее легитимность и способы выявления остаются дискуссионными. Поэтому в судебной экзекватуре исходным остается публичный порядок конкретного государства форума.

Большое значение для понимания международного публичного порядка имеет Руководство Секретариата ЮНСИТРАЛ 2016 г. Оно является официальным информационно-аналитическим изданием Организации Объединённых Наций, подготовленным для содействия единообразному пониманию Конвенции [14]. При этом Руководство не заменяет текст международного договора и не обладает силой обязательного толкования, используется для систематизации travaux préparatoires, национальной практики и основных вопросов применения статьи V. Второе издание Руководства было опубликовано в 2024 г. и обновило практику и формулировки; русская версия вышла в 2025 г. [15]. Его нельзя характеризовать как комментарий, созданный участниками разработки Конвенции: оно подготовлено Комитетом ICCA по работе с судебной системой на основе опыта современных арбитров и исследователей.

В 2003 году был опубликован итоговый доклад ILA, в котором предложена условная структура международного публичного порядка: фундаментальные принципы; правила, защищающие существенные политические, социальные или экономические интересы государства («lois de police»); международные обязательства государства. Ценность этой рекомендации заключается в критериях непризнания и неисполнения иностранного арбитражного решения: отказ признания в исключительных случаях, ориентация на необходимость различать простое нарушение обязательной нормы и нарушение публичного порядка.

Наконец, публичный порядок имеет материальную и процессуальную стороны. Материальная сторона охватывает фундаментальные запреты и принципы, например недопустимость коррупции, мошеннического присвоения, легализации преступных доходов или грубого нарушения конституционных прав. Процессуальная сторона защищает базовые гарантии справедливого разбирательства: независимость и беспристрастность состава, равенство сторон, реальную возможность быть выслушанным, запрет получения решения путем обмана. Вместе с тем отдельное процессуальное нарушение не следует автоматически квалифицировать через публичный порядок, если оно охватывается специальным основанием статьи V Нью-Йоркской конвенции. Итак, предложенная Ассоциацией международного права трехчастная структура - фундаментальные принципы, нормы, охраняющие существенные публичные интересы (lois de police), и международные обязательства государства - полезна как ориентир, но не образует исчерпывающего перечня [2].

2. Публичный порядок: нормативные основы

Нормативную основу рассматриваемого механизма образуют подпункт «b» пункта 2 статьи V Нью-Йоркской конвенции, положение о публичном порядке, содержащееся в подпункте 2 пункта 1 статьи 36 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже» (далее - Закон РФ о МКА) [16] и часть 3 статьи 244 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ) [17]. Пункт 7 части 1 статьи 244 АПК РФ относится к решениям иностранных государственных судов и не должен использоваться как самостоятельное основание отказа в отношении иностранного арбитражного решения. Корректная нормативная связка для последнего случая: часть 3 статьи 244 АПК РФ, статья 36 Закона РФ о международном коммерческом арбитраже и статья V Нью-Йоркской конвенции.

Признание и приведение в исполнение представляют связанные, но не тождественные эффекты. Признание означает допуск юридической силы арбитражного решения в национальном правопорядке, в том числе возможность учитывать окончательно разрешенный им спор; приведение в исполнение дополнительно предполагает использование государственного принуждения. Поэтому суду необходимо указать, какой именно эффект и почему является неприемлемым. Публичный порядок оценивается по праву государства, в котором испрашиваются признание или исполнение, на момент рассмотрения заявления. Нарушение публичного порядка в государстве места арбитража не влечет автоматически отказ в другом государстве, равно как отсутствие отмены решения в стране вынесения не лишает суд исполнения самостоятельной проверки.

Основание, закрепленное в пункте 2 статьи V Конвенции, проверяется судом независимо от ссылки стороны - ex officio. Однако применение ex officio не отменяет состязательности: предполагаемое противоречие должно быть вынесено на обсуждение, а участникам необходимо предоставить возможность представить объяснения и доказательства.

Объектом контроля являются не мотивы арбитров сами по себе, а последствия, которые признание или исполнение решения вызовет в государстве форума. Отсюда следуют четыре ограничения. Во-первых, оговорка применяется лишь в исключительных случаях и подлежит

ограничительному толкованию. Во-вторых, нарушение обычной императивной нормы или ошибка в толковании права недостаточны для отказа. В-третьих, государственный суд не вправе заново устанавливать факты, переоценивать доказательства и исправлять правовую квалификацию. В-четвертых, при отделимости соответствующей части решения должна обсуждаться возможность частичного отказа.

Верховный Суд РФ предписывает вынести вопрос о возможном нарушении публичного порядка на обсуждение участвующих в деле лиц, а стороны вправе приводить свои доводы и доказательства обратного [18]. Поэтому точнее говорить не о безусловном использовании «ex officio», а об обязанности суда проверить наличие соответствующего препятствия при соблюдении принципов состязательности и равноправия.

Б.Р. Карабельников справедливо отмечает: только вывод о том, что приведение иностранного решения в исполнение на подведомственной суду территории будет противоречить фундаментальным началам правопорядка и нравственности, может привести суд к отказу в признании арбитражного решения со ссылкой на публичный порядок [3, с.243].

Соотношение со статьями 1192 и 1193 ГК РФ.

Статьи 1192 и 1193 ГК РФ и публичный порядок при признании и исполнении иностранных арбитражных решений имеют общий аксиологический источник: все три механизма направлены на защиту особо значимых начал российского правопорядка в отношениях с иностранным элементом. Этим объясняется сходство используемой терминологии и возможность обращения к коллизионной доктрине при выявлении содержания публичного порядка. Однако общая защитная функция не превращает указанные нормы в единое основание и не позволяет механически переносить правила главы 66 ГК РФ в производство по делу о признании и исполнении арбитражного решения.

Статья 1192 ГК РФ регулирует нормы непосредственного применения. Они подлежат применению к спорному материальному отношению независимо от избранного или определенного коллизионной нормой права, поскольку сам законодатель придал им особую пространственную и функциональную направленность. Этот механизм действует на стадии разрешения спора по существу; вопрос об учёте таких норм может возникнуть и перед арбитрами в зависимости от применимых коллизионных и арбитражных правил. Правовое последствие состоит в непосредственном применении соответствующей нормы, а не в отказе признать уже вынесенное решение. В доктрине этот механизм допустимо характеризовать как проявление позитивного публичного порядка: статья 1192 не содержит общего определения публичного порядка и не устанавливает постарбитражное основание отказа.

Статья 1193 ГК РФ закрепляет так называемую негативную коллизионную оговорку. Если последствия применения иностранной нормы явно противоречат основам правопорядка Российской Федерации с учетом характера отношений, такая норма в исключительных случаях не применяется; при необходимости используется соответствующая норма российского права. Здесь объектом проверки арбитров должно являться последствие применения конкретной иностранной нормы при разрешении материально-правового спора, отказ от применения конкретной иностранной нормы и при необходимости применение соответствующей нормы российского права. На стадии признания иностранного арбитражного решения государственный суд не выбирает применимое к спору право, не заменяет примененную арбитрами норму и не разрешает спор повторно. Поэтому статья 1193 ГК РФ не является непосредственным процессуальным основанием отказа.

Связь между нормами ГК РФ и процессуальным механизмом экзекватуры проявляется следующим образом: нарушение нормы непосредственного применения либо применение иностранной нормы, потенциально подпадающей под статью 1193 ГК РФ, может служить фактическим и ценностным материалом для проверки по статье V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции. Но переход к отказу возможен лишь после дополнительного вывода, что защищаемый принцип имеет фундаментальный характер, нарушение существенно, и именно признание или исполнение решения породит конкретные неприемлемые последствия. Таким образом, соотношение является не отношением тождества или субординации, а отношением функциональной связи самостоятельных механизмов.

Разграничение со специальными основаниями отказа.

Публичный порядок не должен поглощать неарбитрабельность. Подпункт «a» пункта 2 статьи V Нью-Йоркской конвенции отвечает на вопрос, может ли предмет соответствующей категории споров разрешаться арбитражем по праву государства исполнения. Подпункт «b» направлен на оценку последствий конкретного решения. Эти основания могут пересекаться по охраняемым интересам, но сохраняют самостоятельные условия применения.

Неарбитрабельность также не тождественна исключительной компетенции российских государственных судов. Исключительная компетенция распределяет трансграничные дела

между государственными судами и имеет непосредственное значение для признания иностранных судебных решений. Вывод о невозможности арбитража требует отдельного нормативного основания; одно лишь отнесение спора к исключительной компетенции государственного суда такого вывода не заменяет.

Аналогично процессуальный публичный порядок нельзя использовать для обхода специальных оснований пункта 1 статьи V Конвенции. Например, отсутствие надлежащего извещения и невозможность представить свою позицию прямо охватываются подпунктом «b» пункта 1. Ссылка на публичный порядок оправданна, когда нарушение затрагивает более фундаментальный уровень справедливости либо его последствия не исчерпываются специальной конструкцией, однако и тогда суд обязан объяснить, почему применяется именно исключительная оговорка.

Заметим, что российская судебная практика, к сожалению, ссылается на отказ в признании /исполнении иностранного арбитражного решения ввиду нарушения публичного порядка достаточно часто, между тем как за многолетнюю историю применения Нью-Йоркской конвенции в иностранных юрисдикциях авторитетный профессор А.-Я. ван ден Берг обнаружил лишь восемь таких случаев[4,с.37]. О сложном понимании «противоречия публичному порядку Российской Федерации» пишут ведущие российские правоведы[5, с.398]. Это, безусловно, свидетельствует об отсутствии устоявшихся теоретических представлений о понятии «публичный порядок».

3. Доктринальные разногласия о сущности публичного порядка

Полного научного консенсуса относительно содержания публичного порядка не существует. Категория «международный публичный порядок» используется как минимум в двух разных значениях. В первом оно обозначает предполагаемую совокупности принципов, обязательных вне зависимости от права конкретного государства (наднациональное автономное существование). К таким принципам обычно относят запрет коррупции, торговли людьми, отмывания доходов, грубых нарушений прав человека. Однако существование и легитимность автономного транснационального порядка остаются предметом спора. Я. Кляйнхайстеркамп показывает, что представление о наднациональном публичном порядке нередко маскирует мнение самих арбитров и не имеет ясного демократического источника [6].

Во втором значении речь идёт о более узкой части публичного порядка конкретного государства, применяемой к отношениям с иностранным элементом и к иностранным решениям. Несмотря на слово «международный», источник и содержание такого порядка остаются национальными: каждый правопорядок определяет собственные фундаментальные начала и порог вмешательства. Именно это понимание отражено в материалах ILA и в большинстве национальных подходов.

Исследователи на примере дела Eco Swiss [19] обсуждают вопрос: является ли международное обязательство государства частью публичного порядка. Суд ЕС признал статью 85 Договора ЕС (ныне статья 101 ДФЕС) фундаментальным положением правопорядка Союза и указал, что национальный суд должен удовлетворить требование об отмене арбитражного решения ввиду нарушения публичного порядка, тем самым Суд подтверждает, что норма конкурентного права ЕС может входить в публичный порядок государства – члена ЕС. Однако из Решения по Eco Swiss не следует безусловная обязанность всех судов государств – членов ЕС отказывать в признании каждого решения, которое в какой-либо мере «противоречит» статье 101 ДФЕС. Необходимо учитывать предмет национальной процедуры, пределы контроля, существенность нарушения, действие принципов эквивалентности и эффективности.

Пример Швейцарии также нельзя свести к простому тезису: государство не является членом ЕС, поэтому статья 101 ДФЕС не имеет значения. Нормы ЕС могут входить в избранное сторонами право государства – члена ЕС, претендовать на применение как публично значимые нормы, а решение может исполняться на территории Союза. Ф. Ландольт показывает, что влияние права ЕС на швейцарский арбитраж зависит от стадии, применимого права, связи нормы со спором и требований будущего исполнения [7, с.510-511]. Следовательно, отсутствие членства исключает прямые обязанности суда как суда государства-члена, но не устраняет всю проблематику.

В российской доктрине значима классификация на позитивный и негативный публичный порядок. Позитивная концепция связывает защиту фундаментальных интересов с непосредственным применением особо значимых национальных норм; негативная - с устранением иностранного правового результата, явно несовместимого с основами правопорядка. Ю.Г. Богатина обоснованно рассматривает эти направления как функционально связанные, но не тождественные: позитивный способ заранее обеспечивает действие охранительной нормы, тогда как негативная оговорка реагирует на последствия иностранного права или акта [1]. Историческое развитие данной дихотомии отражено также в работах М.И. Бруна [8] и современных исследованиях А.А. Шулакова [9].

Индийский правовед Н. Дсоуза рассматривает другой спорный вопрос — нужно ли зако-

нодательно определять содержание «публичного порядка» или предпочтительнее оставить это судебной практике. Угроза расширительного толкования судами понятия «публичный порядок» дала основание индийской правительственной комиссии дать официальное толкование. Однако, предложенное толкование не обошлось без ссылок на «мораль и справедливость», «основополагающие принципы индийского законодательства» и прочие абстрактные термины. В конечном итоге, по мнению автора, именно суд определяет и аргументирует позицию об отказе в признании и исполнении арбитражного решения [10].

Новейшие технологические вопросы также подтверждают динамичность категории. Развитие искусственного интеллекта стало поводом для А. Аль Махдури сделать вывод о том, что нарушение публичного порядка возможно, если текст решения подготовлен с использованием ИИ. Автор иметь говорит об утрате человеком реального контроля над выводами, нарушение конфиденциальности, необъяснимой предвзятости алгоритма (воспроизведение системных предубеждений, на которых ИИ обучался), невозможности проверить, было ли решение принято надлежащим составом арбитров. Следовательно, новая технология не создает автоматического основания отказа, а должна оцениваться через уже существующие фундаментальные принципы [11,с.787-788].

Заключение

Публичный порядок как основание отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения представляет собой самостоятельный постарбитражный механизм, а не общее обозначение любого публичного интереса или любого нарушения императивной нормы.

Доктринальные классификации публичного порядка имеют практическое значение при условии их корректного использования. Для экзекватуры определяющим является международный публичный порядок государства форума, более узкий по сравнению с внутренним; транснациональные и региональные принципы могут учитываться лишь постольку, поскольку правопорядок признает их фундаментальное значение.

Статья 1192 ГК РФ обеспечивает непосредственное применение особо значимых норм на стадии разрешения материально-правового спора, а статья 1193 ГК РФ исключает применение иностранной нормы при явно неприемлемых последствиях. Оговорка статьи V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции действует после вынесения решения и оценивает последствия предоставления ему юридической силы. Между механизмами существует функциональная и аксиологическая связь, но отсутствует нормативное тождество.

Неприменение нормы непосредственного применения, коллизионная ошибка либо иное нарушение национального права могут быть значимыми обстоятельствами, однако отказ признания/исполнения допустим только при доказанном столкновении с фундаментальным принципом и наличии конкретных тяжелых последствий признания или исполнения. Иной подход означает запрещенный пересмотр арбитражного решения по существу.

Предлагается следующий алгоритм применения оговорки об отказе: во-первых, суд должен выявить фундаментальный принцип, который применен арбитрами; затем необходимо установить юридический результат признания или исполнения решения в государстве форума, а не ограничиваться констатацией ошибки арбитров; на третьем этапе оцениваются существенность нарушения, причинная связь и доказанность неприемлемых последствий; на четвертом проверяется, не подменяет ли ссылка на публичный порядок специальное основание отказа и не ведет ли анализ к пересмотру спора по существу. Наконец, суд обязан рассмотреть пропорциональность реакции, включая возможность признания или исполнения отделимой части решения.

Данный алгоритм сохраняет актуальность и в условиях расширения судебного внимания к специальным экономическим мерам и санкционным ограничениям, отраженного, в частности, в тематическом обзоре «О применении арбитражными судами законодательства о специальных экономических мерах, предусмотренных в целях защиты национальных интересов Российской Федерации» [20]. Динамика национального публичного порядка позволяет учитывать новые угрозы, однако принадлежность стороны к определенной юрисдикции или наличие императивного запрета не должны заменять мотивированное установление фундаментального принципа и конкретных последствий исполнения.

Список литературы:

[1] Богатина Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. М.: Статут, 2010. 408 с.

[2] Mayer P., Sheppard A. Final ILA Report on Public Policy as a Bar to Enforcement of International Arbitral Awards // Arbitration International. 2003. Vol. 19. No. 2. P. 249-263. DOI: 10.1093/arbitration/19.2. 249..

[3] Карабельников Б.Р. Исполнение и оспаривание решений международных коммерческих арбитражей. Комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. и главам 30 и 31 АПК РФ 2002 г. Издание третье, переработанное и дополненное.

М.: Статут, 2008.-604с.

[4] Ван ден Берг А.-Я. Почему некоторые арбитражные решения не могут быть принудительно исполнены: Доклад на 17-й конференции Международного совета по коммерческому арбитражу (ICCA). Пекин. Май 2004 // Международный коммерческий арбитраж. 2005. № 1. С. 38 – 62.

[5] Муранов А.И. Некоторые аспекты понятия «публичный порядок» применительно к международному коммерческому арбитражу в России. Международное право. 2001. № 5. С. 396–425.

[6] Kleinheisterkamp J. The Myth of Transnational Public Policy in International Arbitration // The American Journal of Comparative Law. 2023. Vol. 71, No. 1. P. 98–141. URL: DOI: 10.1093/ajcl/avad021 (дата обращения: 25.07.2026).

[7] Landolt P. The Application of Public Interest Norms in International Commercial Arbitration // Arbitration International. 2023. Vol. 39, No. 4. P. 469–514. URL: DOI: 10.1093/arbint/aiad047 (дата обращения: 25.07.2026).

[8] Брун М.И. Публичный порядок в международном частном праве // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 1. С. 53-103.

[9] Шулаков А.А. Становление концепции публичного порядка в современном международном частном праве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 10 (62). С. 88-100. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.62.10.088-100..

[10] Dsouza N.B. Should the Public Policy Exception Be Statutorily Defined? The Example of Indian Arbitration Law. Berlin: Peter Lang, 2023. 330 p. URL: DOI: 10.3726/b21193 (дата обращения: 25.07.2026).

[11] Al Mahdouri A. Public Policy and the Enforcement of AI-Generated Arbitral Awards // Journal of International Arbitration. 2025. Vol. 42, No. 6. P. 759–790. URL: DOI: 10.54648/JOIA2025047 (дата обращения: 25.07.2026).

[12] Конвенция Организации Объединённых Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.). Официальный ресурс ЮНСИТРАЛ. URL: Официальный текст и статус (дата обращения: 25.07.2026).

[13] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // http://pravo.gov.ru (дата обращения:28.07.2026).

[14] Секретариат ЮНСИТРАЛ. Руководство по Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (1958 г.). Нью-Йорк: ООН, 2016. URL: Официальный PDF (дата обращения: 25.07.2026).

[15] International Council for Commercial Arbitration. ICCA's Guide to the Interpretation of the 1958 New York Convention: A Handbook for Judges. 2nd ed. 2024; рус. перевод 2025. URL: Официальная страница ICCA (дата обращения: 25.07.2026).

[16] Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-I «О международном коммерческом арбитраже». Статья 36. URL: Действующая редакция (дата обращения: 25.07.2026).

[17] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // URL: Действующая редакция (дата обращения: 25.07.2026).

[18] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража». URL: Официальная публикация (дата обращения: 25.07.2026).

[19] Court of Justice of the European Union. Eco Swiss China Time Ltd v Benetton International NV, Case C-126/97, Judgment of 1 June 1999, ECLI:EU:C:1999:269. URL: Официальная карточка дела (дата обращения: 25.07.2026).

[20] Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 8/2026. О применении арбитражными судами законодательства о специальных экономических мерах, предусмотренных в целях защиты национальных интересов Российской Федерации. Утвержден постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 17 июня 2026 года № 11А/2026 // https://www.vsrf.ru/documents/all/36053(дата обращения: 22.08.2026).

References:

[1] Bogatina Yu.G. Public policy clause in private international law: theoretical problems and modern practice. M.: Statute, 2010. 408 pp.

[2] Mayer P., Sheppard A. Final ILA Report on Public Policy as a Bar to Enforcement of International Arbitral Awards // Arbitration International. 2003. Vol. 19. No. 2. P. 249-263. DOI: 10.1093/arbitration/19.2.249..

[3] Karabelnikov B.R. Enforcement and Challenge of International Commercial Arbitration Awards. Commentary on the New York Convention of 1958 and chapters 30 and 31 of the APK RF 2002. Third edition, revised and supplemented. M.: Statute, 2008.-604s.

[4] Van den Berg A.-Y. Why some arbitral awards cannot be enforced: Report at the 17th Conference of the International Council for Commercial Arbitration (ICCA). Beijing. May 2004 // International Commercial Arbitration. 2005. № 1. S. 38-62.

[5] Muranov A.I. Some aspects of the concept of "public order" in relation to international commercial arbitration in Russia. International law. 2001. № 5. S. 396-425.

[6] Kleinheisterkamp J. The Myth of Transnational Public Policy in International Arbitration // The American Journal of Comparative Law. 2023. Vol. 71, No. 1. P. 98–141. URL: DOI: 10.1093/ajcl/avad021 (accessed on: 25.07.2026).

[7] Landolt P. The Application of Public Interest Norms in International Commercial Arbitration // Arbitration International. 2023. Vol. 39, No. 4. P. 469–514. URL: DOI: 10.1093/arbint/aiad047 (accessed on: 25.07.2026).

[8] Brun M.I. Public Order in Private International Law // Journal of the Ministry of Justice. 1916. № 1. S. 53-103.

[9] Shulakov A.A. The formation of the concept of public order in modern international private law // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSLA). 2019. № 10 (62). S. 88-100. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.62.10.088-100..

[10] Dsouza N.B. Should the Public Policy Exception Be Statutorily Defined? The Example of Indian Arbitration Law. Berlin: Peter Lang, 2023. 330 p. URL: DOI: 10.3726/b21193 (accessed on: 25.07.2026).

[11] Al Mahdouri A. Public Policy and the Enforcement of AI-Generated Arbitral Awards // Journal of International Arbitration. 2025. Vol. 42, No. 6. P. 759–790. URL: DOI: 10.54648/JOIA2025047 (accessed on: 25.07.2026).

[12] United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, June 10, 1958). UNCITRAL official resource. URL: Official text and status (accessed on: 25.07.2026).

[13] Civil Code of the Russian Federation (part three) dated 26.11.2001 No. 146-FZ (as amended on 08.08.2024) // http://pravo.gov.ru (date of appeal: 28.07.2026).

[14] UNCITRAL Secretariat. Guide to the Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (1958). New York: UN, 2016. URL: Official PDF (accessed on: 25.07.2026).

[15] International Council for Commercial Arbitration. ICCA's Guide to the Interpretation of the 1958 New York Convention: A Handbook for Judges. 2nd ed. 2024; Russian translation 2025. URL: ICCA official page (accessed on: 25.07.2026).

[16] Law of the Russian Federation of July 7, 1993 No. 5338-I "On International Commercial Arbitration." Article 36. URL: Current edition (accessed on: 25.07.2026).

[17] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated 24.07.2002 No. 95-FZ (rev. dated 15.12.2025) (amended and supplemented, entry effective from 01.01.2026) // URL: Current revision (accessed on: 25.07.2026).

[18] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 10, 2019 No. 53 "On the fulfillment by the courts of the Russian Federation of the functions of assistance and control in relation to arbitration, international commercial arbitration." URL: Official publication (accessed on: 25.07.2026).

[19] Court of Justice of the European Union. Eco Swiss China Time Ltd v Benetton International NV, Case C-126/97, Judgment of 1 June 1999, ECLI:EU:C:1999:269. URL: Official file card (date of appeal: 25.07.2026).

[20] Thematic Review of the Supreme Court of the Russian Federation No. 8/2026. On the application by arbitration courts of legislation on special economic measures provided for in order to protect the national interests of the Russian Federation. Approved by Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of June 17, 2026 No. 11A/2026 // https://www.vsrf.ru/documents/all/36053 (date of appeal: 22.08.2026).